

О.Ройтерсверд. Из серии "Японские перспективы"

собака, кошка...
треск и стук
без умысла и без рассудка.

* * *

Главы повинной не секли,
но в дело шли носы и уши.
Окровавленные Хлопуши
от боли корчились в пыли.

Бунтовщики. Смутьяны. Воры.
Поскольку так оно и есть -
про ум, про совесть и про честь
напрасны наши разговоры.

Никчемна наша болтовня.
И в суще брошенное слово -
бессмысленно и бесполково -
ничуть не трогает меня...

Один, как перст, средь бела дня,
прикрыв измученное тело
простынкой жалкой,
сам не свой
на раскладушке мой герой
сидит с лицом белее мела.

Во сне он плачет без конца
или смеется без причины.
Смех - это признак дурачины.
Примета верная глупца.

* * *

Огня, воды и медных труб
не превозмочь никак,
а то, что жизнь - напрасный труд,
не знает лишь дурак.

Все утро глядя в потолок,
дыру в нем проглядел
и понял я - сколь мир жесток,
сколь белый свет не бел.

Не брат я брату своему
и другу я не друг,
и той, которую люблю,
не любящий супруг.

Я сам не знаю, что со мной.
Должно быть, хитрый бес,
ко мне явившись в час ночной,
за пазуху залез.

Он шарит у меня в груди.
Как фантик комкая в горсти -
и так и сяк,
не то, не се -
сокровище мое.

* * *

Настолько сам себе наскучишь,
что поневоле заскулишь,
что понапрасну сложишь кукиш,
неумолимый русский шиш.

Шишом отпугивают черта
и устрашают небеса,
когда с утра зальют глаза
и на ногах стоят нетвердо.

Когда не в силах устоять,
я уцепился за кровать,
за стол, за скатерть потянул
двумя руками -
чуть Землю не перевернул
я вверх ногами.

Мне Ангела послал Господь.
Его я вздумал побороть.
И супротив него
до звезд
поднялся в полный рост.

* * *

Просмотрел. Проглядел. Проморгал.
А когда наконец-то прозрел
у того, кто вконец озверел
я заметил звериный оскал.

Зоркий глаз. Острый зуб. Ясный ум.
Сам не знаю - во имя чего,
как на праздник напялил костюм,
перебросил плащ через плечо.

В руки взял здоровенную трость,
чтоб при случае выместить злость
на старухе,

на старице,
шебутном пареньке-
стригунке.

Стой-пстой,
пионер-следопыт,
ты сегодня еще не былбит,
но грозятся тебя отодрать
флотской пряжкой отец-
инвалид,
мокрым веником пьяница-мать.

* * *

Оригинальных мыслей нет.
Должно быть, неспроста,
поскольку жизнь моя пуста
и это - не секрет.

Мне больше нечего скрывать
от посторонних глаз.
Стол. Стул продавленный.
Кровать.
Весь в пролежнях матрас.

Не складывается никак
благопристойный быт.
Чуть что обидить норовит
любой дурак.

Таксист. Лифтер. Домоуправ.
Пыхтит, как паровоз,
с трудом на цыпочки привстав,
врач ухо-горло-нос.

Он за ушко меня берет.
Открыть пошире просит рот.

Лишь только зубы я разжал,
в его руке сверкнул кинжал.

* * *

В самый раз самому с собой
старые счеты свести
в пору, когда над фабричной
трубой
больше флагжку не цвести.

Больше не зреть хризантемам в
саду
имени Баумана,
после стакана вина -
только лишь сухость да горечь во
рту.

Зубы гнилые повыплюнув все
чуть ли не до одного,
что ты за зверь, мой случайный
сосед,
хохлик - на "ка" или "ко".

Карабутенко?
Коновалчук?
Прокуролесил всю ночь.
Утром очнулся и скучился вдруг.
Горестно просит помочь.

Жалостно ловит меня за рукав.
Жалобно тянет ко дну.
Двойственность эту, поскольку он
прав,
я не вменяю в вину.

Я никого и ни в чем не виню.
Сам на ногах еле-еле стою.
Сам хладный пот отираю со лба.

Саду - конец.
Наше дело - труба.